

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТУРГ

Среди великих русских писателей-реалистов Александр Николаевич Островский занял свое особое и высокое место.

Живой, образный, сочный язык, глубокое знание человеческого характера и окружающей действительности, обличение «темного царства» деспотизма, самодурства, лихоимства — все это обеспечило пьесам Островского бессмертие. Замечательно сказал И. А. Гончаров в письме к А. Н. Островскому об его творческом вкладе в русскую культуру:

«Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основании которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас, мы русские можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться: театр Островского».

Письмо Гончарова, написанное за 4 года до смерти великого драматурга, как бы венчало лаврами того, кто указал русским драматическим писателям последующих поколений путь, по которому они должны следовать в дальнейшем. Это путь реалистического искусства.

* * *

Комедии и драмы А. Н. Островского пользуются горячей любовью и у советского зрителя и у исполнителей — будь то прославленные мастера сцены или любители театрального искусства.

С подмостков старейшего русского театра — Академического Московского Малого — не сходят «Волки и овцы», «Правда хорошо, а счастье лучше», «На всякого мудреца довольно простоты», «Бедность — не порок» Островского. В настоящее время репетируются «Доходное место» и шедевр его позднего творчества — «Бесприданница».

В истории Московского Художественного театра Островский занимает большое место: это замечательная работа К. С. Станиславского над весенней сказкой «Снегурочка» и интересное сценическое прочтение комедии «На всякого мудреца довольно простоты». В годы советской власти «художественники» не раз обращались к сокровищнице Островского, ставя то «Грозу», то «Горючее сердце», то «Трудовой хлеб» и «Таланты и поклонники». Спектакль «Последняя жертва» в МХАТ был удостоен Сталинской премии. Юбилей великого драматурга театр ознаменовывает постановкой комедии «Лес». Пьесы Островского популярны и на национальной сцене. Их играют в Киеве и Минске, в Риге и Таллине, в Тбилиси, Ереване и Баку, в Средней Азии. Островского смело можно назвать драматургом всех шестнадцати советских социалистических республик.

О распространении пьес Островского красноречиво говорят сухие цифры статистических

сводок. Вот на выборку некоторые из них.

На сценах советских театров поставлены 42 пьесы Островского. В настоящее время в театрах страны идут 279 спектаклей тридцати пьес драматурга. К юбилею готовится еще 231 спектакль. Пьесы Островского не сходят с репертуара 83 колхозно-совхозных театров. Число представлений каждой пьесы в них обычно достигает 70—100.

На клубной сцене пьесы Островского ежегодно идут до 150 тысяч раз, их смотрят до 30 миллионов человек в год.

* * *

Перечитывая произведения Островского, познаешь все стороны русской жизни, видишь все слои современного ему общества. Он был свидетелем оскудения дворянства и укрепления русской буржуазии. Он застал дореформенные нравы, познал крючкотворство и лихоимство судов.

Творчество А. Н. Островского находило живой отклик у передовых людей его эпохи. И. А. Гончаров назвал «Грозу» одним из лучших произведений русской и мировой драматургии. Н. А. Добролюбов посвятил этой пьесе свою знаменитую статью «Луч света в темном царстве». С большой похвалой отзывался о «Грозе» А. И. Герцен. Близко связан был Островский с Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

* * *

Однако для нас Островский дорог не только как драматург-творец, но и как выдающийся театральный деятель и мыслитель. Его статьи полны национального пафоса, гордого утверждения достоинства русского театра и русской драматургии перед лицом тогдашних поклонников низкопробного западноевропейского буржуазного театра с его драматургами-ремесленниками. Это тем более важно потому, что всесторонне образованный русский писатель Островский высоко ценил мировую классическую драматургию и был автором образцовых переводов трагедий и комедий Шекспира, интермедий Сервантеса, комедий Гольдони.

Мысль о том, что русский театр должен выражать чаяния и думы своего народа и идти своей собственной дорогой, была центральной во всех докладных записках, проектах, обращениях и заметках великого русского драматурга. Вот что говорил Островский о засорении репертуара малоценными «продуктами» легкого жанра, которые поставались в театры бойкими переводчиками и перелицовщиками иностранцев:

«Переводы эфемерных французских произведений не обогащают нашей сцены... Они только удаляют артистов от действительности жизни и правды... Успех их в неразборчивой публике только вводит наших артистов в заблуждение насчет их способностей, и рано или поздно им придется разочароваться в этом заблуждении... Переводные пьесы

нам нужны, без них нельзя обойтись; но не надо забывать также, что они для нас — дело второстепенное, что они для нас — роскошь, а насущная потребность наша — в родном репертуаре».

Островский ратовал за создание русского национального театра в Москве; он считал, что в драматических произведениях более всего проявится подлинная народность, ибо «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы; всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа... Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей сползнуть и измельчать; и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома, такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а наконец и для всего света».

Мечтая о народном театре, Островский прекрасно понимал, какое противодействие встретят его идеи среди так называемой купеческой аристократии, буржуазии, зараженной тлетворным западничеством.

«Потеряв русский смысл, они не нажили европейского ума; русские они презирают, а иностранного не понимают; русское для них низко, а иностранное высоко; и вот они, растерянные и испуганные, висят между тем и другим, постоянно озираясь, чтоб не отстать от другого, а всем вместе — от Европы, относительно прически, костюма, экипажа и т. п.».

Говоря о том, какой писатель может быть назван народным, Островский дает следующее определение:

«Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает, — надобно еще знать хорошо свой народ: сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности».

Островский был убежден, что если «у нас есть русская школа живописи, есть русская музыка, позволительно нам желать и русской школы драматического искусства». Но для того, чтобы создать эту русскую школу драматического искусства, «мы должны начинать сначала, должны начинать свою родную, русскую школу, а не слепо итти за французскими образцами и писать по их шаблонам разные тонкости, интересные только уже пресыщенному вкусу».

* * *

Буржуазный театр, на словах лицемерно превозносивший Островского, на самом деле чрезвычайно мало ставил его произведения. Даже на сцене Малого театра пьесы великого

драматурга шли в среднем не более чем по 35 раз в год.

Критик С. Васильев писал в «Русском обозрении» в 1890 г.:

«Как ни странно это может показаться, но мы едва ли ошибемся, если скажем, что наша публика мало знает своего великого драматического писателя. ...Если прежнее поколение еще помнит его творения, то молодое поколение знакомо с ними лишь отрывками и частями...»

О том, что происходило в тогдашнем театральном мире, дает представление статья, напечатанная в «Вестнике Европы» в 1869 году:

«Мы живем в такое странное время, когда «Прекрасная Елена», «Все мы жаждем любви» и многое другое в этом же роде не сходят с афиши, в то время как лучшие произведения русского репертуара «Горе от ума», «Ревизор», прежние произведения Островского, А. Потехина появляются ровно настолько, чтобы не дать им быть задавленными целою стеною пыли».

Влиятельные критики-ретрограды травили Островского. Они отвергали его творчество, особенно последнего периода (70—80-х годов), утверждали, что «Островский исписался, что ему пора замолчать, что он драматург по недоразумению».

Под конец жизни, в 1884 году, как бы подводя итог своей борьбе с рутинной и косностью театральных чиновников, с засильем на русской сцене «буржуазной безвкусицы», Островский писал:

«Я задыхаюсь и задохнусь без хорошего театра, как рыба без воды. Ясные дни мои прошли, но уж очень долго тянется ночь; хотя бы под конец-то жизни зарю увидеть...» Великий драматург с горечью сознавал, что ему «негде ставить» свои произведения, написанные «в народном духе», что «для русского писателя в России нет сцены».

* * *

Ныне, когда вся наша страна чтит память великого драматурга, можно смело сказать: то, о чем мечтал Островский, нашло свое полное осуществление в условиях нового, социалистического общества.

Островский — это истинный корифей русской драматургии, неутомимый поборник правдивого, реалистического искусства, без которого не может жить и развиваться наш театр, мастерство наших актеров.

Великолепный русский язык Островского, глубокое знание жизни, умение ставить большие нравственные вопросы — все это, несмотря на «возраст» пьес, остается вечно молодым и свежим.

Наследие Островского — это наше национальное богатство. Имя Островского занимает достойное место в том золотом списке русских классиков, который возглавляют Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов и великие критики-демократы Белинский, Добролюбов, Чернышевский.

Н. ВОЛКОВ